

Запах свежеиспечённых блинов, бряканье ложки в миске с тестом, шкворчание масла на сковородке — разве может быть будильник лучше? Это значит, что сегодня суббота, и мамка проснулась как всегда ни свет ни заря, и уже готовит завтрак. Можно поваляться в кровати ещё, а потом смотреть мультики, есть блины с черничным вареньем и запивать горячим чаем из большой кружки. А потом пойти гулять с друзьями. Я потянулся, поворачиваясь на другой бок...

И грохнулся на пол. По спине пробежала огненная дорожка боли от потревоженных ран, левая рука заныла, на глаза сами собой навернулись слёзы. Пойми ещё — то ли от боли, то ли от тоски по детству.

— Александер? Ты не ушибся?

Глинда. Ну а кого я ещё ожидал тут увидеть за хозяйством? Не орчонка же... Точно! Орчонок!

Я резко сел, о чём сразу же пожалел — мышцы скрутило судорогой, в виски стрельнуло таившейся до этого момента болью. В животе заурчало. Ну хоть что-то в моём организме неизменно. Осмотрелся: на кухне орчонка видно не было. Сбежал?

Если так, то одной заботой меньше. Лишь бы никого из деревенских по дороге не съел.

Ох блин! Я же вчера Глинду одну оставил с этим дикарём. Я поднялся на ноги, морщась и шипя сквозь зубы от боли, посмотрел на рыжую девушку. Глинда стояла у печи со сковородкой в руке и встревоженно смотрела на меня. Вроде целая, правда бледная какая-то, и глаза в синяках. Не спала что ли?

И только через секунду я вспомнил, откуда эти синяки.

— Ты как? Этот орк тебе ничего не сделал?

Девушка помотала головой.

— Где он? Где этот Дара?

Глинда неожиданно хихикнула, закрывшись ладошкой.

— Я её накормила, напоила, и спать уложила.

Её? Ну вот, а я думал это пацан-орчонок. Девочка, значит.

— В зале возле камина лежит, в кресле. Александер, ты в порядке?

Оглядел себя: покрытый грязью вперемешку с корочками запёкшейся крови, перемотанный грязными тряпками, в порванных штанах. Выглядел я даже хуже, чем себя чувствовал.

— Жить буду. Пойду в баню, приведу себя в порядок. Хильд не вернулась ещё?

Глинда помотала головой.

Наскоро отмывшись холодной водой, накинул чистую рубаху поверх старых бинтов, чтобы не пачкать всё вокруг кровью. Штаны, подумав, оставил в бане. Не впервой без них, потом найду что надеть.

Когда я вернулся на кухню, стол уже был накрыт. На плоской глиняной тарелке высилась

стопка оладий, рядом стоял кувшин с водой и кружка молока. Дара тоже сидела на кухне, забившись в угол между печкой и бочкой с водой.

— Вылезай, — приказал я ей, — садись вон туда, напротив меня.

Девочка беспрекословно послушалась. Села, сторбившись и опустив взгляд. Страшненькая всё таки. И худая как скелет.

— Ешь, — промычал я ей, показывая на оладьи. Сам я уже успел запихнуть в рот три штуки. Вкусные! Ещё бы сметаны сверху, да варенья.

Глинда, словно услышав мои мысли, вылезла из подвала с банкой чёрных ягод в собственном соку. С импровизированным вареньем стопка оладьев исчезла мгновенно, зато теперь в животе стало тепло и сытно. Сейчас бы в кровать, да поспать минут шестьсот...

Я вздохнул, посмотрел на вяло жующую последний оладушек орчиху. Орчанку. Орчушку. Как её правильно называть-то? Девочка, при дневном свете это было очевидно. Худющая, с торчащими рёбрами и прилипающим к спине животом, одетая в одну лишь тряпочку на бёдрах, она вполне могла сойти за иллюстрацию голодающих детей Африки, если бы не настоящие канаты мышц на руках и ногах, рельефно проступающие под чёрной кожей. Да и кубики на животе тоже на зависть любой фитоняше. Неудивительно, что она смогла утащить пятилетнего ребёнка. И что теперь с ней делать?

— Что с тобой делать теперь?

От вопроса Дара сжалась на лавке ещё сильнее, и даже недоеденный оладушек выронила.

Ну вот, напугал. Хотя о чём я. Перед ней сидит убийца родителей, ещё и спрашивает, что с ней делать.

— Убивать я тебя не собираюсь. Но и кормить просто так тоже не буду. Посмотри на меня!

Дара вздрогнула и подняла голову.

— Будешь помогать Глинде по хозяйству. Глинда — вот она. Слушайся её во всём. Понятно? Отвечай.

— Да.

— Если Глинда будет на тебя жаловаться, накажу. Понятно?

— Да.

Блин, чувствую себя каким-то рабовладельцем. С другой стороны, пусть привыкает, если правда жить хочет? Хоть какую-то пользу приносит. И Глинде, глядишь, некогда будет о своём Анжее думать. Она ж из-за него наверняка всю ночь не спала.

— Хорошо. Глинда, найдёшь для своей помощницы одежду поприличнее?

Рыжая долго смотрела на меня опухшими глазами, переводила взгляд на орчанку, и снова на меня. Я было подумал, что она откажется, но Глинда в конце концов кивнула и сказала:

— Конечно. Иди за мной, Дара.

Проводив их взглядом, я погрузился в раздумья. Анжей этот, зря только о нём вспомнил. Чего сразу не прибил? Ведь хотел же, но сдержался зачем-то. Побоялся репутацию испортить?

Хотя сейчас о репутации переживать нечего. Кто поставил на место молодого орчонка, нагло заявившегося сюда за человечиною? Я. Кто придумал ловушки? Я. Кто победил того монстра-орка? Я. Кто спас сына старосты? Опять я. Впору памятник ставить посреди Тихани, хе-хе. Вернётся Хильд, а тут статуя её встретит.

Хильд. Как она там? Даже если гонец, посланный предупредить об орках с ней разминусь, она должна вернуться сегодня-завтра. Если рейд пройдёт успешно. Если же нет...

Всё-таки я ошибся, что отпустил её. Надо было остановить. Надо было подобрать слова, применить силу, в конце концов. Обнять покрепче, посмотреть в её серые глаза...

Я грохнул кулаком по столу. Да откуда эти мысли? Я что, спаситель всего человечества? Хильд взрослая женщина, пусть сама отвечает за свои решения.

Надо отвлечься. Я пошарил взглядом по кухне, и наткнулся на валяющийся под лавкой трофейный меч. Взял в руки. Протёр ладонью от засохшей на лезвии грязи. В полированном металле отразилось моё заросшее щетиной лицо.

Хорошее оружие. Не слишком длинное, с моё предплечье. Удобно лежит в руке. Светится, опять же. Заточка под рубящий удар, сталь твёрдая: в том месте где я ударил корень дуба даже вмятины не осталось. К нему бы ещё ножны, чтобы в руках не таскать. Надо порыться в вещах орка. Да и вообще, осмотреть места сражений. Вчерашние события до сих пор всплывали в голове диким калейдоскопом.

Оставив меч на лавке, я вышел из дома через распахнутые ворота на площадь. Молодой орк всё ещё лежал на площади в засохшей луже крови, и откровенно пованивал. Это начинало раздражать. Какого чёрта его никто не уберёт? Но едва я пошёл к старосте с этими претензиями, как меня начали окружать деревенские, высказывающие из своих домов.

— Уважаемый! Светлый! Мастер паладин! Александер! Спасибо! Благослови тебя свет! Ты наш спаситель! Светлейший! — несло со всех сторон.

Я остановился. Всё-таки приятно, когда хвалят. Даже раны стали ныть как-то меньше. Но собравшаяся толпа, похоже, не собиралась расходиться, гудя всё сильнее.

— Тихо! — гаркнул я, вскидывая над головой руку.

Помогло. Толпа немного раздалась и притихла.

— Во-первых, спасибо вам за тёплые слова. Теперь я понимаю, что не зря вступил в бой с чернома... с орками. Вы — славные люди, и ради вашего спасения стоило рискнуть жизнью. Во-вторых, без вашей помощи я бы не справился! Без ловушек в лесу, без проводника, да даже без молока достопочтенной Розмари я бы погиб в схватке. Так что и вам спасибо, добрые люди!

Толпа одобрительно зашумела, слышались смешки и шутки.

— А орчихой поделишься, или себе оставишь постель греть? — раздался выкрик из задних рядов.

Вот ведь леший, Никола, язык без костей. Говорил же ему, чтобы помалкивал об орчонке. Хотя

он же не знал, что это девочка. Тогда как они узнали? Ах да, я же посылал Глинде подружек на помощь вчера. Наверное они всё и растрепали.

Я повернулся на крик. Толпа мигом расступилась, и в конце людского коридора я увидел, ничуть не удивившись этому, Анжея.

— Глинды тебе мало показалось, так ты орчанку подобрал себе, да, светлый паладин Александер? — малолетний придурок стоял, опираясь на орочье копьё. — Что дальше, всех баб деревенских перепробуешь?

— А ты меня останови, — предложил я, разводя руки в стороны. — Раз у тебя хватает смелости лаять, попробуй укусить, собака!

— Давай, убей его, Анжи! — крикнул паренёк из толпы, на вид ровесник моего противника, — он весь израненный!

— Смелее, Анжи, у него нет оружия, — крикнула стоящая рядом пигалица в красном платке. — Ты сможешь!

“Вот тебе урок, Александр, всегда носи с собой меч”, — успел я подумать, прежде чем Анджей кинулся на меня, выставив копьё.

Впрочем, наша схватка закончилась в пять секунд. Я шагнул в сторону, схватил древко левой рукой и дёрнул назад. Анджей по инерции врезался в меня и отскочил наземь, словно мячик от стенки. Перехватив копьё правой рукой, я пригвоздил парня к земле, как жука. Хруст ломаемого позвоночника прозвучал музыкой.

По толпе волной прокатились вздохи и крики. Я посмотрел на подбадривавших корчащегося сейчас на земле парня: мальчишка стоял бледный как мел, его подруга в красном платке беззвучно кричала, открыв рот. Ещё два врага в копилку. Надеюсь они не будут такими безрассудными, как этот Анджей, и воспримут этот урок правильно.

— Расходитесь, — сказал я негромко. — Марка сюда позовите.

К моему удивлению, меня не только услышали, но и послушались. Толпа мигом рассосалась. Через пять минут ко мне уже шагал вприпрыжку староста, босиком, без шапки, пытая и обливаясь потом.

— Слушаю внимательно, уважаемый Александер, — на хрипящего у моих ног Анжея он старательно не смотрел.

— Значит так, — я выдернул копьё из тела, вручил старосте. — тело орка с площади убрать, тела других орков закопать где-нибудь, чтобы не воняли. Всё оружие и украшения орков отнести в дом Хильд, остальное можешь забрать себе или выбросить. Всё понятно?

— Понятно, понятно, — закивал Марк, покосившись на истекающего кровью Анжея. — А с ним чего?

Я пожал плечами.

— У него родственники есть? Вот пусть они и забирают.

Парень у моих ног последний раз вздрогнул и замер навсегда. Настроение у меня испортилось

окончательно. Ещё одно убийство. Вот что этому Анжею спокойно не жилось? Надо было ему изображать из себя крутого героя? Кто вообще его воспитывал?

Как сказать Гильде о том что я убил её жениха?

— От Хильд вестей нет? — спросил я у всё ещё мнущегося с ноги на ногу Марка. — Ты вроде к ней гонца посылал.

— Нету покедова.

— С орками разобрались, надо будет ещё за Мартой кого-то послать, в этот... Валинор?

— Восмор, уважаемый. Пошлём, конечно.

Что ещё? На краю сознания крутилось что-то, что я ещё хотел сделать, но я никак не мог поймать мысль за хвост. Может проявить вежливость?

— Как там Вереск? Оклемался?

Староста заулыбался.

— Оклемался, баламут! Всё утро бегают и рассказывают о своих ночных приключениях. Скоро довыдумывает до того, что это он всех орков убил, и вас, уважаемый, спас. Два раза за утро с Лютиком подрался ужо.

— Ну и хорошо. Если будут новости от Хильд, сразу мне сообщай.

— Всенепременно, уважаемый!

Возвращаться не хотелось. Снова наблюдать за тем, как Глинда плачет из-за идиота, чья смерть целиком и полностью его же вина. Так что во дворе я свернул к дровянику и аккуратно, чтобы не тревожить разнывшие под бинтами раны, улёгся на ставшую совсем родной лавку. И долго смотрел на танец потревоженных пылинок в лучах пробивающегося через щели солнца, прокручивая в голове мысли о том, как надо было поступить.

Кто-то настойчиво дёргал меня за ногу. Дёрнул ногой, которая попала по чему-то мягкому — и услышал женский вскрик. Сон тотчас испарился, я резко сел и увидел лежащую на земле Дару.

— Извини, я не хотел тебя ударить, — сказал я, поднимая орчанку с земли и отряхивая её платье от мусора. — Что-то случилось?

— Старшая велела тебя привести.

Я вздохнул. Потёр лицо, собираясь с мыслями. Почесал зудевшую под бинтами спину. Ладно, чего тянуть, нужно идти.

— Пойдём тогда.

Орчанка молча пошла к выходу. Я за ней.

В простом льняном платье, со спины, Дара была неотличима от деревенской девушки. Стройная, невысокая, с короткими спиральками чёрных кудряшек. Если не брать во внимание цвет кожи и мускулы на выглядывающих из коротких рукавов рук, человек как человек. На

лицо вот да, плоский нос и выпирающие изо рта клыки красоты не прибавляют...

Ну вот, опять мысли не туда свернули.

— Дара, почему ты зовёшь Глинду старшей? — спросил я первое, что пришло в голову.

— Она старшая, я младшая, — пожала плечами совсем по-человечески Дара. — Прикажешь, я буду старшей, а она младшей.

— Старшей кем?

— Старшей женой.

Я чуть не споткнулся. Без меня меня женили! Ещё и на двоих сразу. Открыл рот, чтобы объяснить Даре её заблуждение, но тут же закрыл. Пусть считает себя хоть кем, лишь бы проблем не подкидывала.

Мы прошли мимо сваленных грудой костяных доспехов и вещей орков. Марк всё-таки выполнил мою просьбу, это приятно. Я остановился и вытащил из общей кучи ножны для меча. Такие же чёрные, как и металл, из которого был сделан меч, ножны выглядели чужеродно среди этой кучи костей и кожи. Повертел в руках — и заметил полустёршееся тиснение на коже возле устья: пятиконечная звезда внутри треугольника. Интересно, это просто украшение, или что-то значит?

— Ладно, пойдём, — обратился я к молча ожидающей меня Даре.

Дара плакала. Крупные слёзы стекали по её щекам, оставляя тёмные полосы. Вот же блин.

— Это... если что-то отсюда хочешь взять на память, бери, — предложил я, чувствуя себя одновременно идиотом и злодеем. — Слушай, Дара, если бы твоя семья...

Я замолчал. Не хватало ещё оправдываться. Что сделано, то сделано. Мёртвых не вернуть, прошлое не изменить. У Дары был выбор тогда, в лагере. Она выбрала жизнь — пусть живёт со всем этим.

— Бери что-нибудь, и пойдём.

Дара размазала слёзы по лицу, быстро подхватила с земли костяной браслет и зашагала ко входу.

Пошли мы не на кухню, как я ожидал, а в приёмный зал. Там я увидел Марка и деревенского парня, смутно знакомого мне по стройке дома. Вид у них был смурной, на моё появление эта парочка отреагировала по-разному. Марк стянул с головы шапку и смял в ладонях, избегая встретиться со мной взглядом. А парень во все глаза уставился на Дару, даже рот открыл от удивления.

Глинды не было.

— Что случилось? — спросил я, с облегчением плюхнувшись в кресло во главе стола. Мышцы после вчерашнего ныли, даже простая прогулка от сарая до сюда далась с трудом. Ещё и чесотка эта замучала. Раны, похоже, заживают, раз так чешутся.

Ножны я положил на столешницу, чертовски жалея, что не зашёл за мечом на кухню. Всё-таки оружие меня странным образом успокаивало, а судя по виду этих двоих, они не с отчётом о

проделанной работе пришли. Дара пробежала мимо гостей на второй этаж, по пути оскалившись на глазающего на неё парня. Тот отшатнулся и попытался спрятаться за Марком.

— Уважаемый Александер, приказы мы твои выполнили, — начал издалека Марк. Взгляд его блуждал от двери до камина и обратно. — Тела погребли, оружие и непонятные штуки сложили во дворе, одежду и утварь разделили по справедливости. Анжея забрали родители, я им всё объяснил, что как было.

Староста вздохнул.

— Да не тяни ты кота за хвост, — не выдержал я. — Что опять не так? Хотите чтобы я от орчанки избавился? Этого не будет. Я обещал ей жизнь, я слово сдержу.

— Не-не! — Марк замахал руками, — это ваше с хозяйкой света дело! Кого казнить, кого миловать — орденское дело. Вот только...

Его глаза опять забегали.

— Только... хозяйка... к упырям в плен попала хозяйка.

Память услужливо подкинула: "Это всё? С дороги!". Запах пшеничных волос, блеск серых глаз. Ну что, упрямая дура, добилась своего?

— Это твой гонец? Рассказывай.

Марк ткнул парня локтем.

— Так это... Дядька Марк меня послал за светлой хозяйкой, я и побежал, значит. Пробежал большую просеку, горелый лес, а там дядька Василий на копье висит, посередке каменного пустыря. И вот, это вот у него на груди.

Несчастный гонец передал мне деревянную дощечку, на которой было выжжено чёрным по серому:

"Ваша паладинша у нас. Обменяем её на дюжину здоровых женщин детородного возраста и Александра Лавроффа."

<http://tl.rulate.ru/book/96445/3299225>